

Березович Е. Л. Лексика, обозначающая поясницу и поясничную боль в русских говорах : утин и чемер / Е. Л. Березович, М. О. Леонтьева // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 50—70. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-50-70.

Berezovich, E. L., Leontyeva, M. O. (2021). Vocabulary for Lower Back and Lumbar Pain in Russian Dialects: 'utin' and 'chemer'. *Nauchnyi dialog*, 12: 50-70. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-50-70. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-50-70

Лексика, обозначающая поясницу и поясничную боль в русских говорах: утин и чемер

Березович Елена Львовна
orcid.org/0000-0002-1688-2808
член-корреспондент

Российской академии наук
доктор филологических наук,
профессор
кафедры русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
berezovich@yandex.ru

Леонтьева Мария Олеговна
orcid.org/0000-0002-8695-7617
лаборант-исследователь
кафедры русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
marileonteva@yandex.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Работа выполнена при поддержке
гранта
РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация
и семантическая реконструкция
русской диалектной лексики»

Vocabulary for Lower Back and Lumbar Pain in Russian Dialects: 'utin' and 'chemer'

Elena L. Berezovich
orcid.org/0000-0002-1688-2808
Corresponding Member

of the Russian Academy of Sciences
Doctor of Philology, Professor
Department of Russian Language, General
Linguistics and Speech Communication
berezovich@yandex.ru

Maria O. Leontyeva
orcid.org/0000-0002-8695-7617
Research Assistant
Department of Russian Language, General
Linguistics and Speech Communication
marileonteva@yandex.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation, project
No. 20-18-00223 "Etymology and
Semantic Reconstruction
of Russian Dialect Lexicon"

© Березович Е. Л., Леонтьева М. О., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проводится семантико-мотивационный и этимологический анализ двух русских диалектизмов *утин* и *чемер*, в смысловой структуре которых представлены (среди прочих) значения, связанные с болезнями различной локализации и этиологии (*авторов интересует, главным образом, семантика поясничной боли*). Реконструируется семантическая организация соответствующих этимолого-словообразовательных гнезд; гнезда сопоставляются по конфигурации значений. Авторы показывают, какие смысловые переходы определили появление значения 'поясничная боль' (и вторично — 'поясница' и 'позвоночник') у слов *утин* и *чемер*. Оба обозначения поясничной боли анализируются в широком этнолингвистическом контексте, предполагающем учет практик народной медицины, которые обусловлены архаичными представлениями о боли и о болезнях. Показано, что в гнезде слова *утин* многократно срабатывает этимологическая магия, причем ее действие осуществляется в двух направлениях: от производящего глагола **četi*, **čьno* 'рубить, резать' к производному *утин*, а затем от него — к другим словам морфо-семантического поля (*утиг*, *утин* 'межа', *утинок* 'обрубок', *овин*, *тын* etc.). В гнезде слова *чемер* восстанавливается нетривиальный переход ботанического значения ('ядовитое растение') в физиологическое ('отравление' → 'боль при отравлении' → 'боли различной этиологии, в том числе поясничная'), далее (параллельно) в соматическое и демоническое.

Ключевые слова:

русская диалектная лексика; соматизмы; названия болезней; семантико-мотивационная реконструкция; этимология; этнолингвистика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A semantic-motivational and etymological analysis of two Russian dialectisms 'utin' and 'chemer' are carried out in the article, in the semantic structure of which (among others) meanings associated with diseases of various localization and etiology (the authors are mainly interested in the semantics of low back pain) are presented. The semantic organization of the corresponding etymological and derivational nests is reconstructed; nests are matched by value configuration. The authors show what semantic transitions determined the appearance of the meaning «lumbar pain» (and, secondarily, «lower back» and «spine») in the words 'utin' and 'chemer'. Both designations for low back pain are analyzed in a broad ethnolinguistic context, which implies taking into account the practices of traditional medicine, which are due to archaic ideas about pain and disease. It is shown that etymological magic is repeatedly triggered in the nest of the word 'utin', and its action is carried out in two directions: from the generating verb **četi*, **čьno* «cut down, cut» to the derivative 'utin', and then from it to other words of the morpho-semantic field ('utyug', 'utin' «boundary», 'utinok' «stump», 'ovin', 'tyn' etc.). In the nest of the word 'chemer', a nontrivial transition of botanical meaning («poisonous plant») to physiological one («poisoning» → «pain in case of poisoning» → «pain of various etiologies, including lumbar pain») is restored, then (in parallel) to somatic and demonic.

Key words:

Russian dialect vocabulary; somatizms; names of diseases; semantic and motivational reconstruction; etymology; ethnolinguistics.

Лексика, обозначающая поясницу и поясничную боль в русских говорах: утин и чемер

© Березович Е. Л., Леонтьева М. О., 2021

1. Вводные замечания

Эта статья продолжает предыдущую, опубликованную в 6 номере журнала «Научный диалог» в 2021 [Березович и др., 2021]. В первой статье цикла мы представили общий обзор русской диалектной лексики, обозначающей собственно «соматическую» поясницу, охарактеризовали семантические особенности лексем и причины высокой номинативной плотности этого участка (они коренятся главным образом в том, что эта часть тела несет большую «страдательную» нагрузку при основных сельскохозяйственных работах носителей диалектов), предложили этимолого-мотивационные решения для ряда слов.

Надо отметить, что за время, прошедшее с момента написания первой статьи, сотрудникам Топонимической экспедиции Уральского университета удалось записать еще одно любопытное слово с изучаемым значением. В говорах Терского района Мурманской области есть слово *керёжка* ‘спина (чаще всего по отношению к пояснице)’: *Керёжка болит, спина-то, особо ближе к поясу. Ну баню натопим — и в бане стучим по этому месту руками* [КСГРС]. По всей видимости, перед нами показательная метафора, ср. карел., мурман. *керёжка, керёжа* ‘грузовые сани в виде лодки на одном полозе’ [СРГК, т. 2, с. 340; КСГРС]. Думается, что перенос основан как на функциональном признаке (спина служит для транспортировки грузов, как и сани), так и на признаке формы (сани имеют обручи, напоминающие ребра). Очевидно, так же устроена метафора, соединяющая значения костр. лексемы *окорчево*: ‘гнутая часть полозьев саней’ → ‘поясница и ягодицы’ [ЛКТЭ]. Эти примеры интересны направлением переноса: «грузовая» роль спины и поясницы настолько велика, что отправной точкой для разворачивания метафоры становится не образ части тела (как обычно), а собственно образ «грузоперевозчика».

Дополнив таким образом поданный ранее материал, обратимся к изучению слов, в семантическом пространстве которых наиболее ярко и развернуто проявляются особенности «поясничной» лексики и связанных с ней верований, формирующих специфические магические практики и порождающих своеобразные линии смыслового развития. Это *утин* и *чемер*.

Слова из гнезд с вершинными *утин* и *чемер* уже привлекали к себе внимание исследователей. Так, об *утине* (блр. *уцін*) на белорусском и русском

диалектном и фольклорном материале писали Т. В. Володина [Валодзіна, 2009, 256—262], Т. А. Агапкина [Агапкина, 2010, с. 163—165], В. С. Терехова [1969]; о *чеме* в русских и славянских диалектах — Н. И. Толстой [1995], в тамбовских говорах — Е. Ю. Блинова и Д. Н. Лоскутова [2020]. В нашей работе будет приведен новый материал, слова будут рассмотрены через призму семантического и символического параллелизма, что позволит (вкуче с приведенными ранее «фоновыми» культурологическими выкладками) расставить новые акценты в реконструкции соответствующих гнезд.

2. Утин

Слово утин в русских говорах имеет довольно широкий спектр значений, однако нас в первую очередь интересует значение ‘боль в спине; поясничный ревматизм’. В этом значении утин распространен главным образом в севернорусских, северо-западных, среднерусских говорах, дочерних говорах Урала и Сибири (см. [СРНГ, т. 48, с. 158; СРГС, т. 5, с. 173; ЯОС, т. 10, с. 21—22; ПОС, т. 24, с. 239; СРГЮП, т. 3, с. 286; ЛКТЭ; КСГРС] etc.), при этом встречаются также варианты формы: влг. *ути́нка* [МПСД, с. 269, № 571], новг. *ути́м*, новг., олон., ленингр., брян., забайк. *ути́он*, колым. *учу́н*, олон. *ути́ог* ‘боль в пояснице’: *Старуха знает от утюна, сходите к ней: Ох, тошнешенько, спина болит, утюн приставили* (новг.), *Ее утюн крепко мучает* (зап.-брян.) [НОС, с. 1234—1235; СРНГ, т. 48, с. 224, 225, 226, 330], новг. *очу́н* [СРГК, т. 4, с. 355], влад. *паути́н*¹ [СРНГ, т. 25, с. 284]. Что касается южнорусских земель, а также соседних восточнославянских территорий, то слово отмечено (также в формах *уци́н*, *утюн*, *уцен*, *уцён*, *цен*) в Поднепровье (особенно левобережном), в орловских, курских, смоленских и брянских говорах; фиксируется оно и в белорусских диалектах [Валодзіна, 2009, с. 256; СРНГ, т. 48, с. 158; Попов, 1903, с. 71].

Лексема многократно фиксируется в фольклоре, особенно в формулах ритуала-диалога [Агапкина, 2010, с. 163—165]; реже — в текстах других жанров, ср. даже скоморошину из сборника Кириши Данилова: «...на золотье молодая жена Авдотья Ивановна, она с вечера трудна, болна со полночи недужна, вся, расходился недуг в голове, разыгрался утин в хребте, пустился недуг к сердцу, а пониже ея пупечка, что повыше коленечка» [СКД, с. 6].

Болезненные ощущения при *утине* часто передаются через конструкцию утин засекает / сечёт (секёт): Раньше спина заболит, говорят, «Утин

1 Слово *паути́н* образовано от основы утин с помощью архаичной приставки па-. От этого приставочного варианта, вероятно, появились формы типа тул. *пути́н* [СРНГ, т. 33, с. 151] и путец [Там же, с. 149]; аналогичный фонетический процесс мы видим для формы *пути́на*, которая является преобразованием слова *паутина* (тамб., ворон., дон., орл., яз., горьк., твер., калин., чкал., р. Урал, среднеобск.) [Там же, с. 151].

секёт» (арх.), Вот рвётся в спине, трешшит что-то — утин засекает порато (арх.) [КСГРС], ср. также иркут. секун ‘боль в пояснице’ [СРНГ, т. 37, с. 128], костр., ряз. сечь ‘испытывать боль (в какой-л. части тела, болеть)’: Спина поперек секёт (костр.), Больно сечёт, ледвешка <ягодица> больно болит, садиться не дает (костр.), Надымы были зачастую, поясница секла сильно ... Ну и жгёт поясница (ряз.) [СРНГ, т. 37, с. 254]. «Секущий» характер боли — по законам народно-этимологической магии — вызывает использование различных способов ее «иссечения», «перерубания» etc. В диалектных словарях и фольклорных источниках описывается базовый способ лечения *утина*, представляющий собой небольшой медицинский ритуал, аналогичный тем, которые мы уже встречали при описании, например, болезни *тяпок* [Березович и др., 2021, с. 18—19] (название которой, как дальше будет понятно, является семантико-мотивационной параллелью к *утину*). Ср. описание ритуала, приведенное известным историком народной медицины Г. Поповым: «Вот как в Новгородск., Вологодск. и Орловск. губ. лечится “запугом” поясничная боль (*утин*). Больной ложится на порог избы с обнаженной поясницей. Производящий операцию знахарь становится по одну сторону, с топором в руках, свидетель по другую, первый замахивается топором и прикасается его острием к пояснице больного, второй спрашивает: “Что ты делаешь?” — “*Утин рублю*”. От свидетеля получается приказание: “*Руби его* больше, чтобы и близко не было” — и тот начинает махать топором над поясницей. В Юхновском у. (Смоленск. г.) операция эта, для верности действия, совершается непрерывно на трех порогах, а в Сарапульском у. (Вятск. г.) ее могут производить только первенцы и последыши в семье» [Попов, 1903, с. 71]. Как видно по этому описанию, такой способ «терапии» обозначается устойчивым сочетанием утин рубить, а также утин прорубать, утин сечь / засека́ть / отсекать́ / приека́ть и др., тем самым — по принципу народной медицины *similia similibus curantur* — создается отчетливый параллелизм названий способов лечения и фразеологизмов, обозначающих «действия» самого утина как болезни.

В качестве дополнительной иллюстрации приведем только контексты из неопубликованных картотек Топонимической экспедиции Уральского университета (в опубликованных словарях и фольклорно-этнографических источниках есть множество подобных описаний): Сорваў утін — поперёк порогу валят и **прорубают утин**, *лунят по позвоночнику-то (арх.)*; **Утин засекали**: как поясина заболит, положат тебя на порог, обухом топора по венуку бьют, на поясине венник-от (арх.); *А то ещё секут, приговаривают*: — “*Щчё секёшь?* — *Утин секу.* — *Секи-секи, шчёб век не бываў*” (арх.); Через порог клали, **утин рубили**, *приговаривали*: “*Утин, утин, выйди вон!*” (влг.); Утин в спине. Как сделается утин, ни согнуться,

ни разогнуться. **Утин вырубали** топором. Ложат голики крестом на поясницу, топором рубят (*костр.*) и др. [КСГРС; ЛКТЭ]¹. Значительно реже декларируются более «мягкие» способы воздействия на утин: **Утин шшыплют**: *глядят, гладят, да захватат кожу-то (арх.);* Чтобы не болела спина у тебя, я **утин вышшыплю** (*арх.*) [КСГРС].

Конструкции с глаголами сечения, рубки, битья используются не только в контекстах к *утину*, но и вообще по отношению к боли в пояснице, спине и позвоночнике, ср. байк. *выбивать спину* [СГРСБС, т. 9, с. 87—88], орл. *присекать спину* [СОГ, т. 11, с. 50], юго-зап. сиб. *рубить поясницу*, новг. *рубить поясницу* [СРНГ, т. 35, с. 225], тульск. *пресечь* (без прямого доп.): *Как бабушка положила ее на порог, пресекла ей, так и поясница больше не болела, до ста лет мать прожила, на сто первом годе померла* [СТулГ, ч. 1, с. 33] и др.; для усиления магического воздействия в одной текстовой синтагме с глаголом может появиться и отглагольное существительное *секун*: *Чо секуешь? — Секун. — Секи секун, секи его вдоль и поперек, штобы не было его во веки веков* (иркут.) [Виноградов, 1915, с. 397]. Независимо от вариации лечения осуществляются «бьющие», «рубящие» манипуляции, аналогичные воздействию болезни. Заметим, что в некоторых случаях манипуляции такого рода отсутствуют, но в вербальном коде традиции остается память о них, выражаемая глаголами с семантикой битья и т. п.: байк. *выбить наговором* ‘в народной медицине: излечить посредством заговора’ [СГРСБС, т. 9, с. 84]. Следует отметить и то, что связь «сечения» и боли в спине может не иметь вербальной поддержки и фиксироваться только на уровне предметных манипуляций, ср., к примеру, повсеместно соблюдавшийся у славян запрет забивать серп в землю, чтобы не спровоцировать боль в пояснице [СД, т. 2, с. 195].

Однако *утин* в контексте медицинского ритуала имеет вербальную поддержку — и даже «двойную». Дело не только в том, что здесь «сливаются» значения *сечь* ‘болеть’ и ‘иссекать боль’, но и в том, что само слово *утин* образовано от глагола со значением рубки. М. Фасмер определяет слово *утин* в гнездо прасл. **tęti, *tęno* ‘резать’ [Фасмер, т. 4, с. 66, 174]; отглагольные существительные обозначают нечто отколотое, отрубленное и т. п., ср. значения, где эта семантика наиболее ощутима: *перм., вят. утін* ‘узкая полоска, оторванная, отстриженная от ткани, бумаги’ [СРНГ,

1 В этом тексте, как и в некоторых других, утин «опредмечивается». По мнению А. В. Ветухова, утин может восприниматься как некое «существо», одушевляться: «Больной думает, что знахарь сечет утин (существо), и спрашивает: “Что сечешь?” — “Утин секу”» [Ветухов 1907, с. 464]. Это соответствует общей логике восприятия болезней в народном сознании (вместо человека боль символически принимает на себя особая сущность — его болезнь), но в «утинных» текстах нет той яркой антропоморфизации болезни, которая характерна, допустим, для «дискурса» оспы или лихорадки.

т. 48, с. 158], арх. ути́нок, утинóк ‘чурка; обрубок бревна’ [КСГРС] (ср. арх. *тять* ‘рубить лес или дрова’ [Подвысоцкий, с. 176]) и др. Возможно, устаревание глагола *тять* в «общерубящем» значении влечет за собой появление в магических формулах его синонимов — *рубить*, *сечь* и проч.

Семантика режущего действия предполагает также важный образ границы (которая отделяет, «разрезает»). Поэтому слово утин ‘болезнь’ имеет гомогенный синхронный омоним *утин* в «рубежном» значении: нижегор. ‘рубеж, граница’, диал. шир. распр. ‘межа, граница земельных участков’ и ‘полоса между полями’¹ [СРНГ, т. 48, с. 157; КСГРС; ЛКТЭ и др.], ср. в качестве параллели рубеж от рубить. В практике избавления от *утина* наличие границы также оказывается важной частью ритуала: больного кладут на порог — пограничное пространство, которое у славян было важным локусом многих магических действий (в том числе направленных на изгнание болезни), см. о символике порога в [СД, т. 4, с. 173—178]. Кроме того, символика «пограничья» есть у самой поясницы, делящей туловище на две части и визуально воспринимаемой как «перехват».

Показательно, что между двумя омонимичными на синхронном уровне *утинами* (в физиолого-соматическом и ландшафтном значениях) не только существует мотивационный параллелизм, но и могут установиться вторичные сближения, которые являются народно-этимологическими и при этом имеют обоснование и продолжение в верованиях и магических практиках, ср. ленингр. *ути́нья косить* ‘о лечении боли в пояснице народными средствами’: Чего он идет? — Утинья косить. Секи его пуще. Топором по венуку секут [СРНГ, т. 48, с. 161]. Здесь обкашивание межи (утина) получает параллель в «сечении» поясницы.

В контексте наших рассуждений о вербальной магии, связанной с *утином*, интересен такой вариант изучаемого слова, как олон. *ути́ог* ‘боль в пояснице’ [СРНГ, т. 48, с. 224]. Здесь реализуется народно-этимологическое притяжение к слову *утиог*, с которым ассоциируется один из способов лечения, ср. олон. *ути́ожить* ‘гладить, колотить’ [Куликовский, с. 125]. Трудно с точностью сказать, как именно мотивирована эта связь: идет ли речь об *утиожении* как колочении «вообще» (безотносительно к «орудию»

1 Граница между участками или полями, как правило, представляла собой узкую и длинную полосу, поросшую нескошенной травой или мелким лесом. Эта особенность может быть связана с появлением других «ландшафтных» значений у рассматриваемого слова: новг. ути́н ‘узкая полоса земли в лесу’, зап. сиб. ути́на ‘длинная узкая впадина на болоте, заполненная водой’ [СРНГ, т. 48, с. 158, 159], арх. ути́н ‘слой грязи на прибрежной траве у озера или болота’, ‘болотистое, топкое место’ [КСГРС]. Вероятно, приобретение «болотных» значений (с утрачиванием компонента значения ‘узкая длинная полоса’) у слова ути́н и его вариантов обусловлено возможными контаминационными процессами со словом тина, а также с субстратными фонетически близкими словами типа олон. ути́ ‘топкое место’, для которого Фасмер выделяет этимон фин. *ukki* ‘лужа, бочажина’ [Фасмер, т. 4, с. 174].

колочения) — или же о воздействии именно утюгом, который широко используется (и в деревне, и в городе) для «глажения» поясницы, ср., к примеру, описание одного из народных «рецептов»: «Для проведения этой процедуры понадобится обыкновенный утюг. Метод подходит для прогревания больших зон, например, спины или поясницы. На кожу кладется толстое полотенце, на него холщовая ткань, после этого по ней водят горячим утюгом около 10 минут, останавливаясь в каждой зоне хотя бы на минуту» (Бобырь М. А. Сухое тепло: что это такое, и почему оно полезно для суставов // Клиника Бобыря, spina.ru, 2020).

Интересен и показателен также текст, записанный в Вашкинском районе Вологодской области: Вот ляжет человек этот на порог <...> зарубают топором: «Болезнь отрубаю — *утинку* отрублю. Болезнь за порог — здоровье в дом». Скажу: «Что рубишь?» — «*Утин*». — «Отруби его хорошенько» [МПДС, с. 269, № 571]. Стоит предположить, что здесь проявляется внутригнездовая аттракция: *утин* (название болезни) испытывает притяжение к однокоренной лексеме вроде влг. *утинок* ‘обрубок бревна’ [КСГРС], ср. также арх. *утинок* ‘короткое бревно, чурбан’, печор. ‘обломок, осколок чего-либо’ [СРНГ, т. 48, с. 160]. Учитывая внутреннюю форму слова *утинок* («нечто отрубленное»), можно восстановить такой сценарий акта вербальной магии: с помощью топора болезнь *утин* будет «обрублена», подобно тому, как отрубается *утинок* от бревна.

Вербальная магия в «утиных» формулах проявляется еще одним способом — в рифмованных формулах, являющихся отсылками болезни. Речь идет о рифмах *утин* — *овин*, *утин* — *тын* и др. Ср.: «Может снять эту болезнь и овин. Для этого следует больному потереться обнаженной спиной о стену овина и трижды проговорить: “Овин, овин,ними с меня утин”. Иногда при этом нужно искать непременно такой овин, чтобы он был перенесен на третье место. Такое же значение в Вязниковском у. (Владимирск. г.) приобретают всякие другие постройкы, перенесенные с одного места на другое. Потирая о них ушибленное место, следует произносить: “Хоромина поставлена, поставь меня по-старому”» [Попов, 1903: 212]. Подобные вербальные формулы отмечаются довольно широко: Овин, овин, возьми мой утин и будешь стоять не один (влг.) [СРНГ, т. 48, с. 159], Бацюшко овин! Просци мой уцин! (яроsl.) [ЯОС, т. 10, с. 21—22] Тын, тын, возьми свой утин (арх.) [Аникин, № 1495] etc., см. также примеры в [Валодзіна, 2009, с. 259]. Помимо рифмы, появление таких формул обусловлено представлениями о свойствах дерева (его статусе медиатора, соотношенности с человеком и способности «взять» на себя болезни; см., например: [Агапкина, 1999, с. 61, 62, 65—66]), а также характерными для народной традиции символическими связями между человеком и домом

или надворной постройкой (ср., к примеру, в [Валодзіна, 2009, с. 259]). При обращении к тыну актуализируется символика забора, «запирающего» боль, а также, по всей видимости, символика кола, составляющего тын (об этой символике см. [Березович и др., 2021, с. 20—21]).

Важно отметить, что в некоторых случаях утин может иметь собственно соматические значения: арх. утін ‘позвоночник’ [СРНГ, т. 48, с. 159; КСГРС], влг. утін ‘поясница’ [КСГРС]. Основную причину развития этих значений следует видеть в том, что боль за счет своей локализации «сливается в единое целое» с телесной областью, которую она поражает. Единение боли и части тела подкрепляется и лечебной практикой: в попытке выгнать, «выбить» боль (Утін-утін, выйди вон!) «рубят», «секут» нижнюю часть спины. Наблюдается параллелизм влг. сорва́ть утін ‘о боли в спине’ [КСГРС] и литературного сорвать спину. В некоторых контекстах употребления слова утин не представляется очевидным понятие, имеет слово соматическое или «клиническое» значение: Как спина заболит сильно — ой, утін сорвала значит (арх.) [Там же]. В то же время следует отметить, что значения ‘поясница’ и ‘позвоночник’ соотносимы с этимологией слова утин: как уже было отмечено, поясница является своего рода «пограничным» местом, а позвоночник, проходящий через всю спину, представляется как узкая длинная полоса: соответствующие значения, как мы убедились, типичны для утина. Однако соматическая семантика слова утин, вероятнее всего, все же вторична и сформировалась по логике перехода ‘боль в части тела’ > ‘часть тела’¹. «Болезненные» значения слова утин превышают соматические количественно и имеют более широкую географию. Кроме того, помимо ‘боли в спине’, у слова утин фиксируются такие значения, как ‘боль от чрезмерного усилия, перегрузки организма’ (влг.), ‘болезнь суставов и мышц, сопровождающаяся острыми болями и ломотой’ (новг., влг., бурят.), ‘ушиб’ (новг.) [СРНГ, т. 48, с. 158—159]: они мотивационно соотносятся с представлениями о резком характере боли, который «прочитывается» в этимологии слова. Наконец, семантика ‘боль в пояснице’ (в отличие от соматических значений) реализуется с помощью ряда разнообразных фонетических и словообразовательных вариантов (перечень см. выше).

Таким образом, реализация «болезненных» значений обусловлена актуализацией представлений о режущем, остром характере боли. Собственно, соматические значения появляются вторично благодаря особенностям лечебной практики избавления от боли, а также, возможно, «погранично-

1 Эта модель не является типичной и распространенной. Чаще направление мотивации является обратным: ‘часть тела’ > ‘боль в части тела’, ср. упомянутое поясница ‘боль в пояснице’, а также брянск. живót ‘болезни брюшной полости’ и середина ‘ломота в пояснице’ [Тиханов, 1904, с. 36] (ср. середина ‘поясница’).

му» символическому потенциалу этой части тела, что согласуется с этимологическим значением слова утин.

3. Чемер

Утин интересно сопоставить со сходным по значению словом *чэмер* (варианты — *чемёр*, *чёмёрь*, *чймер*, *цймер*). Как правило, это слово номинирует болезни или болезненные ощущения, при этом его конкретные значения представлены разнообразными вариациями. Для нас важно, что так может обозначаться боль в спине — как правило, в ее нижней части: р. Урал. *чэмер* ‘болезнь спины, позвоночника’ [Малеча, т. 4, с. 424], нижегор. *чэмер* ‘острая поясничная боль’ [Даль, т. 4, с. 1304], тамб. *чэмер* ‘боль в спине, пояснице’ [Блинова и др., 2020, с. 20], костр. *чэмер* ‘состояние, при котором отнимается спина’: Чемер — это спина болит, отымается. На его раньше накидывали горшок с охлопком. В горшок бросят охлопок-от зажжённой и кувырдают. Как банки теперь ставят [ЛКТЭ].

Однако словом *чемер* называют и разнообразные болезни, связанные с брюшными органами (р. Урал *чэмер* ‘болезнь живота, вздутие’ [Малеча, т. 4, с. 424], орл. *чэмер* ‘болезнь живота’ [Будде, 1904, с. 143], смол. *чэмер*, *чемерйца* ‘брюшная болезнь животных, человека’ [ССГ, т. 11, с. 99—100], костр., нижегор. *чэмер* ‘боль в животе’ [ЛКТЭ; Даль, т. 4, с. 1304], а также головную боль (нижегор., р. Урал, байкал. *чэмер* [Даль, т. 4, с. 1304; Малеча, т. 4, с. 424; СГРСБС, т. 8, с. 361], перм. *чемёр* ‘сильная головная боль от ненормального сна’ [СПГ, т. 2, с. 525], новг. *цймер* ‘головная боль, мигрень’ [Герасимов, 1898, с. 163].

Иногда *чемер* может характеризоваться комплексом симптомов, затрагивающих разные части тела одновременно: костр. *чэмер* ‘боль в области живота и поясницы’ [ЛКТЭ], оренб. *чэмерь* ‘болезнь головы и спины’ [ООС, с. 179], курск. *чэмер* ‘болезнь людей и лошадей, которая проявляется как сильная головная боль, часто с рвотой и поносом; как резкая боль в пояснице; как спазмы’ [СКНГ, с. 325]). *Чемеру* могут быть подвержены не только люди, но и домашний скот — коровы и лошади: смол. *чэмер*, *чемерйца* ‘брюшная болезнь животных, человека’ [ССГ, с. 11, с. 99—100], курск. *чэмер*, смол. *чэмирь* ‘боль в желудке у лошади’ [СОС, с. 980; Халанский, 1904, с. 376], костр. *чэмер*, *чэмерь* ‘боль в животе у коровы’ [ЛКТЭ], донск. *чэмерь* ‘боли в спине у лошади’ [СРДГ, т. 3, с. 189], яросл. *чэмер* ‘колики у лошади’ [ЯОС, т. 6, с. 150], орл. *чэмер* ‘внутренние схватки у скота и человека’ [ЯКИВ, с. 45] и др. Фиксируются также глаголы со значением ‘заболеть *чемером*’: костр. *зачемерйться*, *чемерйть*, *чемерйться* [ЛКТЭ], дальнейшее развитие значения глагола отмечено в смол. *зачемереть* ‘устать’ [ССГ, т. 4, с. 130].

Каково «старшее» значение слова и его происхождение? «Этимологический словарь славянских языков» помещает чемер, связанный с разнообразными болезненными состояниями, в гнездо прасл. **čemerъ* / **čemera*¹, в котором, помимо обозначений болезней, выделяются названия ядовитых растений, главным образом, чемерицы (это слово, разумеется, тоже принадлежит рассматриваемому гнезду). Отмечается, что «болезненные» значения слова чемер вторичны и основаны на физиологических ощущениях [ЭССЯ, т. 4, с. 52, 53]. Показательно пенз. чемер ‘яд и боль от яда’ [Даль, т. 4, с. 1304], отражающее архаичный смысловой переход. По-видимому, от семантики, связанной с ядом и ядовитым растением, «ответвилось» значение отравления, затрагивавшего в первую очередь домашний скот. Весьма наглядна в этом отношении следующая *figura etymologica* в одном из контекстов употребления анализируемого слова: Чемерица — трава такая, кто хочешь *зачемерится* с нее. Вот теленок ножками задрыгает, говорят, *зачемерился* (костр.) [ЛКТЭ]. Подобные семантико-деривационные отношения просматриваются в словах трава и отравиться.

Таким образом, отправная точка в развитии семантики слова чемер — представление об отравлении ядовитым растением, отсюда значение ‘боль в животе’ — основной симптом отравления. В ходе дальнейшего развития *чемер* не только становится обозначением болезни людей, но и обретает семантику, связанную с иной этиологией боли и, как следствие, с другой ее локализацией. Единично зафиксированное значение ‘аппендицит’ у красноярск. чéмер [СГЦКК, т. 5, с. 102] является поздней ступенью смыслового развития и обусловлено локализацией боли (брюшная полость). Значение ‘головная боль’, по-видимому, связано с тем, что головная боль — важный симптом отравления наравне с болью в животе. Однако при дальнейшем развитии в значении может указываться иная (не связанная с отравлением) причина, ср. упомянутое перм. чeмёр ‘сильная головная боль от ненормального сна’.

Значение ‘боль в спине’ у слова чемер, как правило, связывается в народном сознании не с отравлением, а с надсадой: Корова *зачемерится*, брюхо, что ли, у ёй болит. А у человека если чемер — *надсадился* (костр.) [ЛКТЭ].

Развитие представлений о «спинных» заболеваниях в понятийной сетке слова чемер обусловлено двумя основными причинами. Первая причина ос-

1 Альтернативная версия происхождения слова чемер в связанных с болезнями значениях основана на том, что слово является тюркским заимствованием. В качестве подтверждения приводятся кирг. *чемен* ‘болезнь, хворь’, тат. *чир* ‘болезнь, недуг, хворь, недомогание, заболевание’, аз. *чэр* ‘болезнь лошади от опоя; разрыв сердца у лошади’, чув. *чирчэр* ‘болезнь’. При этом конечное *р* в русском чемер объясняется притяжением к названию ядовитого растения чемерица [Шипова, 1976]. Эта версия представляется менее убедительной, чем «исконная» (и факты, изложенные в настоящей статье, дают дополнительные аргументы в пользу «исконной»).

нована на особенностях анатомического строения: область живота и область спины топографически смежны по отношению друг к другу, обе телесные области могут трактоваться как «середина» тела (ср. смол. серёдка ‘живот’, ‘поясница’ [СРНГ, т. 37, с. 303]). Вторая причина состоит в потенциальной соотносённости боли в нижней части спины и боли в животе. При надсаде поражается не только спина, но и область живота (что во многом связано с появлением грыж от перенапряжения). При описании надсады используются конструкции со словом живот, пуп: орл. живóт сорв́ать ‘надорваться’ [СРНГ, т. 40, с. 328], арх., влг., олон. пúп пáл ‘боль в желудке, пояснице от надсады’, иркут. пúп вёртит ‘об ощущении боли от чрезмерного напряжения’, олон. пúп рассу́пался, новг. пúп сдёрнуть, карел. пúп сронítть, яросл., костр. пупá (с пупá, с пúпу) сорв́ать, арх., новосиб., сиб., иркут., амур., якут. пúп сорв́ать, новг. скря́кнуть пúп, свердл., перм., сиб., тобол. с пúпу сорв́ать ‘о надсаде от натуги’ [СРНГ, т. 33, с. 127], костр. с пупá сорв́ать ‘о появлении грыжи от надсады’ [ЛКТЭ]. Сам чемер в некоторых случаях трактуется как общая для спины и живота болезнь: Чемерь ступит в спину, в живот (костр.) [Там же]. О тесной связи боли в спине и боли в животе (в частности, грыж) свидетельствует то, что для обозначения боли в спине может использоваться глагол грызть и его производные (которые, как правило, применяются к грыжам): костр. чéмер грызёт ‘о надсаде’ [Там же], орл. грызь, грызень ‘ревматическая боль, ломота в костях’ [Будде, 1904, с. 118].

В народной практике лечения чемера лечебные манипуляции осуществляются (так же, как в случае с *утином*) по принципу «лечить подобное подобным»: против резкой боли применялись соответствующие методы исцеления, при этом можно выделить несколько основных вариаций. Больную чемером (страдающую отравлением) корову резко дергали за хвост или постукивали по пояснице палкой: Сорвать надо чемерь: сильно дёргали телёнка за хвост, чтоб он шщёлкнул (костр.), Чемер срывали: по хребту у хвоста колотили палкой легонько (костр.) [ЛКТЭ]. По нижней части спины (скотины или человека) также могли катать палку или рубель: Чемер катал: на корове шибко шшолкнет (костр.), Палкой катали по хребту — чемер-то выгоняли (костр.) [Там же], р. Урал Чемер рубельником выкатывают [Малеча, т. 4, с. 424]. При лечении человека также распространён способ избавления от *чемера*, который заключается в том, что кожу на пояснице натягивали щипковыми движениями, а затем резко отпускали, добиваясь хруста: Чемер — это вот когда заболит спина. Защищывали спину у человека. Рельс поднимала, надсадилась, в животе посвалилось, пощипывало. Берут руками, прищипывают — и отдирают кожу. Вот так чемер защищывали (костр.) [ЛКТЭ]. Как видим, методика лечения полностью совпадает с одним из вариантов лечения утина.

Таким образом, к *чемеру* (так же, как к *утину*) в народной медицине применяются аналогичные характеру боли резкие действия. Тот же принцип резкости манипуляций положен в основу избавления от головной боли: перм., оренб. *драть чемер* ‘сильно дергать волосы, захватывая их пучками, при головной боли (чемере)’ [СПГ, т. 1, с. 232; ООС, с. 179], оренб. *сорвать чемерь* ‘резко оттянуть кожу на голове, так чтобы послышался хруст’ [ООС, с. 179], р. Урал *скручивать чемер* ‘то же’: Голову больного кладут на порог двери, обвивают прядь волос вокруг пальца и сильно дёргают, чтоб послышалось хрустенье. Схватил, говорит, чемер, тогда его срывают. Помню, чемер часто скручивают (р. Урал) [Малеча, т. 4, с. 424]. Приведенные манипуляции закреплены в применяемых к слову *чемер* глаголах (*срывать, скручивать, драть, сощипывать / защипывать*), ср. при этом из приведенного выше контекста — пощипывать (о боли в животе), литературное сорвать спину.

Лечение чемера путем манипуляций в области поясницы или головы (в зависимости от вида болезни) служит причиной появления ряда семантических или словообразовательных производных с соматическими значениями (преимущественно относящимися к спине, реже — к области головы¹): влг. *чемероуха, чамроуха, чемеруха* ‘поясница’, арх. *чемерова* [КСГРС], р. Урал *чемер, темерчак*, р. Урал, оренб. *чемерчак*² ‘позвоночник’ [Малеча, т. 4, с. 424—425; ООС, с. 179], печор. *чемер* ‘позвоночник’; ‘копчик’ [СРГНП, т. 2, с. 416], *чемер* ‘хребтовая кость’ [Даль, т. 4, с. 1304], колым. *чемер* ‘круп; таз’ [Богораз, 1901, с. 156], перм. *чемер* ‘вихор’ [СРГСУ, т. 7, с. 21], вятск. *чемер* ‘макушка головы, самое темя’; ‘чуб, вихор, хохол человека, прядь волос на темени’ [Даль, т. 4, с. 1304].

Вятское слово, упомянутое последним, рассматривалось Н. И. Толстым в его замечательной работе «Чемер» (из серии «Заметки по славянской демонологии») [Толстой, 1995]. В распоряжении Н. И. Толстого тогда

- 1 Помимо указанных значений, у рассматриваемого слова и его производных фиксируется значение ‘чирей’ (р. Урал, смол. *чемер* смол. *чемерица* ‘чирей’ [Малеча, т. 4, с. 424; ССГ, т. 11, с. 99—100]). Причину развития этого значения следует видеть в фонетическом сходстве чирей и чемер, а также, возможно, в особенностях локализации фурункулов на теле, в этом отношении показательны следующие контексты: На самом чемере чирей (колым.), [Богораз, 1901, с. 156], У нашей коровы чемерица была: на животе больки (смол.) [ССГ, т. 11, с. 99].
- 2 Слово *чемерчак* (как и его обусловленный диссимилиацией вариант *темерчак*) устойчиво номинирует, помимо позвоночника человека (или скотины), позвоночник рыбы: У сегра хряц, у достальной рыбе чемерчак, Возле чемерчака прокалывам рыбу и солим (р. Урал) [Малеча, т. 4, с. 425]. Эти слова записаны в бассейне р. Урал — в зоне интенсивных русско-тюркских контактов. Вероятно, формант — чак имеет тюркское происхождение: в тюркских языках он обладает уменьшительно-ласкательным значением [Севортян, т. 1, с. 659]. Эти данные позволяют предполагать, что у слова *чемерчак* первичным соматическим значением является ‘позвоночник рыбы’ (маленького размера), в этом случае значение ‘позвоночник (человека или скотины)’ — вторичный экспрессив.

не было других соматических значений *чемера* и его производных, оттого его реконструкция семантических связей вятского слова выглядит особо значимой и прозорливой [Там же, с. 283—285]. Кроме того, она позволяет ввести в круг рассмотрения дополнительные семантические связи изучаемых слов, о которых мы пока не говорили.

К вятскому слову, записанному в XIX веке, в одном из источников приводился контекст У меня смотри не ругайся: я тебе надеру чемер-от, снабженный характерным пояснением: «*Чемер драть*» — значит во время головной боли рвать волосы, наворачывая их на веретено или палочку небольшими пучками так, чтобы от подергивания хрупнуло. — *Чево-то голова болит, хочу чемер драть, не ликче ли будет*. Важно отметить, что эти «волосяные» значения имеют соответствия в укр. чернигов. *чемер* ‘хохол’ и черкас. *чемер*, чаще *чемери* ‘чуб, косы’ [Там же, с. 284]. Отмечая, что эти соматические значения были оставлены этимологами без внимания, Н. И. Толстой предлагает следующую семантическую цепочку: «болезнь живота (от отравления и т. п.) — болезнь вообще — болезнь головы — место на голове, где лечится болезнь головы» [Там же]. Интересно и то, что сочетание *чемер драть* (*сорвать*) имеет соответствие в русинских (украинских) говорах Закарпатья: *чемер’і ломити* ‘крепко сдавить кого-либо в объятиях так, чтобы послышался треск хрящей’ [Там же, с. 285]. Последнее выражение связывает реконструкцию Н. И. Толстого с нашей: ясно, что «пояснично-спинная» семантика имеет такую же природу, как «волосяная».

Следует объяснить, почему работа Н. И. Толстого входит в цикл его «дьявольских» статей. Дело в том, что у слова *чемер* в ряде славянских языков есть значение ‘злой дух’, которое «выступает почти исключительно в устойчивых сочетаниях-клише бранного свойства» [Там же, с. 280]. Тем самым реализуется устойчивый переход ‘болезнь’ → ‘злой дух’, который часто реализуется в формулах проклятий. Об этом переходе есть некоторая литература; среди последних работ см., в частности, [Березович и др., 2020].

Таким образом, линия, связанная с поясницей, укрепляет «волосяную» линию — и помогает собрать воедино огромное гнездо **čemьь / *čemera*, лексика которого, выразительная и архаичная, «разбегается» в разные смысловые стороны, обнаруживая необходимость понять логику, по которой соединяются ботанические, соматические, физиологические и демонические значения.

4. Заключение

Слова *чемер* и *утин* в спектре своих значений и связанных с ними этнографических особенностей представляют собой чрезвычайно интересный феномен народного языка и культуры. Этимология этих слов различна, се-

мантические конфигурации гнезд не являются полностью симметричными, но обнаруживают существенные совпадения. В обоих случаях этимолого-словообразовательные гнезда включают переход ‘боль, болезненные ощущения’ → ‘часть тела, где обычно локализуются эти ощущения’ → ‘часть тела (без отсылки к болезненным ощущениям)’. Это весьма редкий переход, который специфичен для наивной картины мира, в которой концептуализация физиологических ощущений и даже соматическая категоризация могут быть производны от представлений о нагрузке на организм в ходе крестьянских работ. И *чемер*, и *утин* исцеляют по принципу «лечить подобное подобным»: наблюдается параллелизм глаголов, обозначающих, с одной стороны, резкую боль, с другой стороны, описание лечебных манипуляций. Отмечается ряд совпадений в ритуальной практике: так, и *утин*, и *чемер* могут «соципывать», также в обоих случаях (хотя в большей степени это характерно для *утина*) от болезни избавляются на пограничном месте (пороге).

В то же время в каждом из этих гнезд наблюдаются свои семантико-мотивационные особенности, обнаруживающие определенные реликты мифопоэтического сознания. В гнезде слова *утин* наблюдается разнообразно реализуемая **этимологическая магия**, причем ее действие осуществляется в двух направлениях: от производящего глагола **teti*, **tyno* к производному *утин*, а затем от него — радиально к другим словам морфо-семантического поля (*утюг*, *утин* ‘межа’, *утинок* ‘обрубок’, *овин*, *тын* etc.). Что касается гнезда слова *чемер*, то здесь интересен нетривиальный переход ботанического значения в физиологическое, далее (параллельно) в соматическое и демоническое.

Источники и принятые сокращения

1. Аникин В. П. Русские заговоры и заклинания : Материалы фольклорных экспедиций 1953—1993 гг. / В. П. Аникин. — Москва : Издательство МГУ, 1998. — 480 с.
2. Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия / В. Г. Богораз. — Санктпетербург : Типография Императорской академии наук, 1901. — 346 с.
3. Будде Е. Ф. О говорах Тульской и Орловской губерний : материалы, исследование и словарь / Е. Ф. Будде // Сборник отделения русского языка и словесности императорской академии наук. — Санкт-Петербург : Типография императорской академии наук, 1904. — Т. 76. — № 3. — С. 1—148.
4. Герасимов М. К. Материалы по народной медицине и акушерству в Череповецком уезде, Новгородской губернии / М. К. Герасимов // Живая старина. — 1898. — Выпуск 2. — С. 158—183.
5. Даль — Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е изд., испр. и значительно доп. / Под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртене : В 4 т. — Санкт-Петербург ; Москва, 1903—1909.
6. КСГРС — Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

7. Куликовский Г. И. Словарь областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Г. И. Куликовский. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1898. — 151 с.
8. ЛКТЭ — Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
9. Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков : в 4 т. / Н. М. Малеча. — Оренбург : Оренбургское книжное издательство, 2002—2003.
10. МПСД — *Магические практики севернорусских деревень : заговоры, обереги, лечебные ритуалы. Записи конца XX — начала XXI века : в 2 т. Вологодская коллекция / Сост. С. Б. Адоньева, А. В. Степанов <...>; под общ. ред. С. Б. Адоньевой.* — Санкт-Петербург : Пропповский центр, 2020. — Т. 2. — 568 с. ISBN 978-5-9903822-9-9.
11. НОС — Новгородский областной словарь / подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. — Санкт-Петербург : Наука, 2010. — 1435 с. — ISBN 978-5-02-025586-9.
12. ООС — Моисеев Б. А. Оренбургский областной словарь. — Оренбург : Издательство Оренбургского государственного педагогического университета, 2010. — 192 с. — ISBN 978-5-85859-477-2.
13. Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / А. И. Подвысоцкий. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1885. — 198 с.
14. ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / Б. А. Ларин и др. — Ленинград ; Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1967. — Выпуск 1. — ISBN 5-288-00953-8.
15. СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2001. — Т. 1: А—Б. — 250 с. — ISBN 5-7525-0999-8.
16. СГРСБС — *Афанасьева-Медведева Г. В.* Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири : в 20 т. / Г. В. Афанасьева-Медведева. — Санкт-Петербург : Наука, 2007. — 24 см.
17. СГЦКК — Словарь говоров центральных районов Красноярского края. — Красноярск : Издательство Красноярского университета, 2003—2010. — Выпуск 1—5. — 20 см.
18. СД — Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1995—2012. — 20 см. — ISBN 5-85981-146-2.
19. СКД — *Сборник* Кирши Данилова : Издание Императорской Публичной библиотеки по рукописи, пожертвованной в Библиотеку князем М. Р. Долгоруковым / под ред. [и с предисл.] П. Н. Шеффера. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1901. — XLVIII, 284 с.
20. СКНГ — Хильманович Г. И. Словарь курских народных говоров / Г. И. Хильманович. — Бирск : [б. и.], 2017. — 228 с.
21. СОГ — Словарь орловских говоров. Ярославль, 1989—1991. — Выпуск 1—4 ; Орел, 1992. — Выпуск 5.
22. СОС — Смоленский областной словарь / сост. В. Н. Добровольский. — Смоленск : Типография П. А. Силина, 1914. — 1016 с.
23. СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1994—2005. — Выпуск 1—6.

24. СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры : В 2 т. / Под ред. Л. А. Ивашко. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2003—2005.
25. СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. — Свердловск, 1964—1987.
26. СРГЮП — *Словарь русских говоров Южного Прикамья / И. А. Подюков [и др.] ; [науч. ред. И. А. Подюков] ; Министерство образования и науки Российской Федерации, ГОУ ВПО “Пермский государственный педагогический университет”, Каф. общ. языкознания, Центр этнолингвистики народов Прикамья. — Пермь : Пермский государственный педагогический университет, 2010. — Выпуск 1 : (Абалтус — Кычига).*
27. СРДГ — Словарь русских донских говоров. — Ростов-на-Дону, 1975—1976. — Т. 1—3.
28. СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. — Москва; Ленинград : Наука, 1965. — Выпуск 1: А. — 302 с.
29. ССГ — Словарь смоленских говоров / отв. ред. Л. З. Бояринова, А. И. Иванова. — Смоленск : СГПИ/СГПУ, 1974—2005. — Выпуск 1—11. — 21 см. — ISBN 5-88018-317-3.
30. СтулГ — Словарь тульских говоров. Часть первая : А–Д / Д. А. Романов, Н. А. Красовская. — Тула : Издательство Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, 2015. — 229 с. — ISBN 978-5-87954-951-5.
31. Тиханов П. Н. Брянский говор : заметки из области русской этнологии / П. Н. Тиханов // Сборник отделения русского языка и словесности императорской академии наук. — Санкт-Петербург : Типография императорской академии наук, 1904. — Т. 76. — № 4. — С. 1—263.
32. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. — Москва : Прогресс, 1986—1987. — 22 см.
33. Халанский М. Г. Народные говоры Курской губернии / М. Г. Халанский // Сборник отделения русского языка и словесности императорской академии наук. — Санкт-Петербург : Типография императорской академии наук, 1904. — Т. 76. — № 5. — С. 1—385.
34. Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке [Электронный ресурс] / Е. Н. Шипова ; отв. ред. А. Н. Кононов. — Алма-Ата : «Наука» КазССР, 1976. — Режим доступа : <http://liveangarsk.ru/files/commentuploads/409581/985-r1abf2i5rh126a5229s612v9e564.pdf> (дата обращения 20.09.2021).
35. ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд / отв. ред. акад. О. Н. Трубачев, А. Ф. Журавлев, Ж. Ж. Варбот. — Москва : Наука, 1974. — Выпуск 1. — 214 с.
36. ЯКИВ — Сахаров А. И. Язык крестьян Ильинской волости, Болховского уезда, Орловской губернии. — Санкт-Петербург : Типография императорской Академии Наук. 1900. — 48 с ; 24.
37. ЯОС — Ярославский областной словарь : в 10 вып. / под ред. Г. Г. Мельниченко. — Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981—1991.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапкина Т. А. Дерево / Т. А. Агапкина // Славянские древности : Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1999. — Т. 2. — С. 60—67.

2. Агапкина Т. А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении : Сюжетика и образ мира / Т. А. Агапкина. — Москва : «Индрик», 2010. — 824 с. — ISBN 978-5-91674-091-2.

3. Березович Е. Л. Лексика, обозначающая поясницу и поясничную боль в русских говорах : общий обзор / Е. Л. Березович, М. О. Леонтьева // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 9—28. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-9-28.

4. Березович Е. Л. Наименования нечистой силы в русских проклятиях / Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2020. — № 67. — С. 5—27. — DOI: 10.31168/7996-2700-3.12/.

5. Блинова Е. Ю. «Чемер» в мифологических представлениях и медицинской практике тамбовских крестьян / Е. Ю. Блинова, Д. Н. Лоскутова // Живая старина. — 2020. — № 4. — С. 19—23.

6. Валодзіна Т. В. Цела чалавека : слова, міф, рытуал / Т. В. Валодзіна. — Мінск : Тэхналогія, 2009. — 431 с.

7. Ветухов А. В. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова (Из истории мысли) / А. В. Ветухов. — Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1907. — Выпуск I—II.

8. Виноградов Г. С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилото населения Сибири : (Материалы по народной медицине и ветеринарии). Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния / Г. С. Виноградов // Живая старина. Год XXIV. — 1915. — Выпуск IV. Пр. — С. 325—432.

9. Минх А. Н. Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии / А. Н. Минх // Зап. РГО по Отд-нию этнографии. — 1890. — Т. 19. — Выпуск 2. — С. 1—152.

10. Попов Г. И. Русская народно-бытовая медицина. По материалам Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева / Г. И. Попов. — Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1903. — VIII, 404 с.

11. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков : общетюркские и межтюркские основы на гласные / Э. В. Севортян. — Москва : Наука, 1974. — 27 см.

12. Терехова В. С. О двух народно-медицинских терминах (*усовь* ‘колотье в кишках’ и *утин* ‘боль в пояснице’) / В. С. Терехова // Юбилейная научно-методическая конференция Северо-Западного зонального объединения кафедр русского языка. Программа и кратк. содержание докладов. 27 января — 1 февраля 1969. — Ленинград : Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена, 1969. — С. 242—245.

13. Толстой Н. И. Откуда дьяволы разные? 4. Чемер / Н. И. Толстой // Язык и народная культура : Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / РАН. Ин-т славяноведения и балканистики ; Сост. С. М. Толстая. — Москва : Индрик, 1995. — С. 280—288. — ISBN 5-85759-015-9.

MATERIAL RESOURCES

A Dictionary of the dialects of the Russian North, 1: A—B. (2001). Ekaterinburg: Publishing house of Ural University. 250 p. ISBN 5-7525-0999-8. (In Russ.).

Afanasieva-Medvedeva, G. V. (2007). *Dictionary of Russian dialects of the old-timers Baikal Siberia: In 20 volumes.* Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.).

Anikin, V. P. (1998). *Russian conspiracies and spells: Materials of folklore expeditions 1953—1993.* Moscow: Publishing House of Moscow State University. 480 p. (In Russ.).

- Bogoraz, V. G. (1901). *Regional dictionary of the Kolyma Russian dialect*. Saint Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences. 346 p. (In Russ.).
- Budde, E. F. (1904). On the dialects of Tula and Orel provinces: materials, research and dictionary. In: *Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences*, 76 (3). St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 1—148. (In Russ.).
- Card index of the Dictionary of Dialects of the Russian North (Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication UrFU, Yekaterinburg)*. (In Russ.).
- Dictionary of dialects of the central districts of the Krasnoyarsk Territory*, 1—5. (2003—2010). Krasnoyarsk: Krasniarsk University Publishing House. 20 cm. (In Russ.).
- Dictionary of Orel dialects*, 1—4, 5. (1989—1991, 1992). Yaroslavl. (In Russ.).
- Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions*, 1—6. (1994—2005). St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House. (In Russ.).
- Dictionary of Russian dialects of the Lower Pechora: In 2 volumes*. (2003—2005). St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University. (In Russ.).
- Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals: in 7 volumes*. (1964—1987). Sverdlovsk. (In Russ.).
- Dictionary of Russian dialects of the Southern Kama region. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Perm State Pedagogical University, Kaf. Linguistics, the Center of Ethnolinguistics of the peoples of the Kama region, 1: (Abaltus — Kychiga)*. (2010). Perm: Perm State Pedagogical University. (In Russ.).
- Dictionary of Russian Don dialects*, 1—3. (1975—1976). Rostov-on-Don. (In Russ.).
- Dictionary of Russian folk dialects, 1: A*. (1965). Moscow; Leningrad: Nauka. 302 p. (In Russ.).
- Dictionary of Smolensk dialects, 1—11*. (1974—2005). Smolensk: SGPI/SGPU. 21 cm. ISBN 5-88018-317-3. (In Russ.).
- Dictionary of Tula dialects. Part one: A-D*. (2015). Tula: Publishing House of the Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy. 229 p. ISBN 978-5-87954-951-5. (In Russ.).
- Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund, 1*. (1974). Moscow: Nauka. 214 p. (In Russ.).
- Explanatory Dictionary of the living Great Russian language by Vladimir Dal. Russian Russian Dialects 3rd ed., ispr. and significantly additional: In 4 volumes*. (1903—1909). St. Petersburg; Moscow. (In Russ.).
- Fasmer, M. (1986—1987). *Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes*. Moscow: Progress. 22 cm. (In Russ.).
- Gerasimov, M. K. (1898). Materials on folk medicine and obstetrics in Cherepovets district, Novgorod province. *Zhivaya starina*, 2: 158—183. (In Russ.).
- Hilmanovich, G. I. (2017). *Dictionary of Kursk folk dialects*. Birsik: [b. i.]. 228 p. (In Russ.).
- Khalansky, M. G. (1904). *Folk dialects of Kursk province. Collection of the Department of Russian language and Literature of the Imperial Academy of Sciences*, 76 (5). Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 1—385. (In Russ.).
- Kirsha Danilov's Collection: Publication of the Imperial Public Library based on a manuscript donated to the Library by Prince M. R. Dolgorukov*. (1901). St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. XLVIII, 284 p. (In Russ.).
- Kulikovsky, G. I. (1898). *Dictionary of the regional Olonets dialect in its everyday and ethnographic application*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 151 p. (In Russ.).

- Lexical card file of the Toponymic expedition of the Ural Federal University (Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication of UrFU, Yekaterinburg).* (In Russ.).
- Magical practices of Northern Russian villages: spells, charms, healing rituals. Records of the end of the XX — beginning of the XXI century: in 2 volumes, 2. Vologda collection.* (2020). Saint Petersburg: Proppovsky Center. 568 p. ISBN 978-5-9903822-9-9. (In Russ.).
- Malecha, N. M. (2002—2003). *Dictionary of dialects of Ural (Yaitsky) Cossacks: In 4 volumes.* Orenburg: Orenburg Book Publishing House. (In Russ.).
- Moiseev, B. A. (2010). *Orenburg regional dictionary.* Orenburg: Publishing House of Orenburg State Pedagogical University. 192 p. ISBN 978-5-85859-477-2. (In Russ.).
- Novgorod Regional Dictionary.* (2010). Saint Petersburg: Nauka. 1435 p. ISBN 978-5-02-025586-9. (In Russ.).
- Podvysotsky, A. I. (1885). *Dictionary of the regional Arkhangelsk dialect in its everyday and ethnographic application.* St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 198 p. (In Russ.).
- Pskov regional dictionary with historical data, 1.* (1967). Leningrad; St. Petersburg: St. Petersburg University Press. ISBN 5-288-00953-8. (In Russ.).
- Sakharov, A. I. (1900). *The language of the peasants of Ilyinsky volost, Bolkhovskiy uyezd, Oryol province.* St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 48 s; 24. (In Russ.).
- Shipova, E. N. (1976). *Dictionary of Turkisms in the Russian language. Alma-Ata: "Science" of the Kazakh SSR.* Available at: <http://liveangarsk.ru/files/commentuploads/409581/985-p1abf2i5rh126a5229s612v9e564.pdf> (accessed 20.09.2021). (In Russ.).
- Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary: In 5 volumes.* (1995—2012). Moscow: International Relations. 20 cm. ISBN 5-85981-146-2. (In Russ.).
- Smolensk regional dictionary.* (1914). Smolensk: Printing house of P. A. Silin. 1016 p. (In Russ.).
- Tikhanov, P. N. (1904). Bryansk dialect: Russian Russian Ethnology Notes. In: *Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 76 (4):* 1—263. (In Russ.).
- Yaroslavl Regional Dictionary: in 10 issues.* (1981—1991). Yaroslavl: K. D. Ushinsky YAG-PI. (In Russ.).

REFERENCES

- Agapkina, T. A. (1999). Tree. In: *Slavic antiquities: An Ethnolinguistic dictionary, 2.* Moscow: International Relations. 60—67. (In Russ.).
- Agapkina, T. A. (2010). *East Slavic healing conspiracies in comparative coverage: Plot and image of the world.* Moscow: "Indrik". 824 p. ISBN 978-5-91674-091-2. (In Russ.).
- Berezovich, E. L., Leontieva, M. A. (2021). Vocabulary for Lower Back and Lumbar Pain in Russian Dialects: an Overview. *Nauchnyi dialog, 6:* 9—28. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-6-9-28>. (In Russ.).
- Berezovich, E. L., Surikova, O. D. (2020). The names of evil spirits in Russian curses. *Bulletin of Tomsk State University. Philology, 67:* 5—27. DOI: 10.31168/7996-2700-3.12/. (In Russ.).

- Blinova, E. Yu., Loskutova, D. N. (2020). “Chemer” in mythological representations and medical practice of Tambov peasants. *Zhivaya starina*, 4: 19—23. (In Russ.).
- Valodzina, T.V. (2009). *The human body: words, myth, ritual*. Minsk: Technology. 431 p. (In Belar.).
- Minkh, A. N. (1890). Folk customs, rituals, superstitions and prejudices of the peasants of the Saratov province. *Zap. RGO on the Department of Ethnography*, 19 (2): 1—152. (In Russ.).
- Popov, G. I. (1903). *Russian folk medicine. Based on the materials of the Ethnographic Bureau of Prince V. N. Tenishev*. St. Petersburg: A. S. Suvorin Printing House. 404 p. (In Russ.).
- Servotyan, E. V. (1974). *Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic bases on vowels*. Moscow: Nauka. 27 cm. (In Russ.).
- Terekhova, V. S. (1969). About two folk medical terms (usov ‘stabbing in the intestines’ and utin ‘lower back pain’). In: *Jubilee scientific and methodological conference of the North-Western Zonal Association of Russian Language departments. Program and brief. The content of the reports. January 27 — February 1, 1969*. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute named after A. I. Herzen. 242—245. (In Russ.).
- Tolstoy, N. I. (1995). From where devils are different? 4. Chemer. In: *Language and folk culture: Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics / RAS. Institute of Slavic Studies and Balkanistics*. Moscow: Indrik. 280—288. ISBN 5-85759-015-9. (In Russ.).
- Vetukhov, A. V. (1907). *Conspiracies, spells, amulets and other types of folk healing based on faith in the power of the word (From the history of thought), I—II*. Warsaw: Printing House of the Warsaw School District. (In Russ.).
- Vinogradov, G. S. (1915). Self-healing and animal treatment in the Russian old-lived population of Siberia: (Materials on folk medicine and veterinary medicine). Eastern Siberia, Tulunovskaya volost, Nizheudinsky uyezd, Irkutsk province. *Zhivaya starina*, IV: 325—432. (In Russ.).